

ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ

ДЕЛО О ПОХИЩЕНИИ БЕТТИ КЕЙН
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Алан Грант

Джозефина Тэй

**Дело о похищении Бетти
Кейн. Исчезновение**

«Азбука-Аттикус»

1948, 1950

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Тэй Д.

Дело о похищении Бетти Кейн. Исчезновение / Д. Тэй —
«Азбука-Аттикус», 1948, 1950 — (Алан Грант)

ISBN 978-5-389-24863-2

Джозефина Тэй (наст. имя – Элизабет Макинтош; 1896–1952) – знаменитая писательница, дочь шотландца и англичанки, признанный мастер британского детектива. В 1929 году она дебютировала с книгой «Человек из очереди», в которой впервые появился инспектор Скотленд-Ярда Алан Грант, настоящий профессионал сыска. Впрочем, в романе «Дело о похищении Бетти Кейн» (1948) ему досталась роль второго плана. Разбираться с удивительной криминальной историей пришлось «мирному деревенскому адвокату и джентльмену» Роберту Блэру. Две приличные с виду дамы похитили школьницу и заставили работать на себя, удерживая в собственном одиноко стоящем доме. Все свидетельствует против них, однако дамы настаивают на своей полной невиновности... В романе «Исчезновение» инспектор Грант распутывает обстоятельства исчезновения американского фотографа, бесследно растворившегося в английской провинции. За традиционной британской сдержанностью таятся великие страсти, и на деле все не так, как кажется на первый взгляд. По роману «Дело о похищении Бетти Кейн» в 1951 и 1962 годах были сняты кинофильмы, а в 1988 году – телевизионный сериал.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-24863-2

© Тэй Д., 1948, 1950

© Азбука-Аттикус, 1948, 1950

Содержание

Дело о похищении Бетти Кейн	10
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	22
Глава четвертая	26
Глава пятая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Тэй Дж.
Дело о похищении Бетти
Кейн; Исчезновение. романы**

Josephine Tey
THE FRANCHISE AFFAIR;
TO LOVE AND BE WISE

© Ж. Я. Грушанская (наследник), перевод, 2023
© Н. И. Ильина (наследник), перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

* * *

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

КНИГИ ОБ ИНСПЕКТОРЕ АЛАНЕ ГРАНТЕ

Убийца в толпе,
или Человек из очереди

•

Шиллинг на свечи

•

Дело о похищении Бетти Кейн

•

Исчезновение

•

Дочь времени

•

Поющие пески

ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ

ДЕЛО О ПОХИЩЕНИИ
БЕТТИ КЕЙН
♦
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Дело о похищении Бетти Кейн

Глава первая

В этот весенний день Роберт Блэр уже подумывал о том, чтобы идти домой, хотя было всего четыре часа. Контора, разумеется, работала до пяти. Но если вы единственный Блэр фирмы «Блэр, Хэйвард и Беннет», вы уходите, когда считаете нужным. И если вы занимаетесь главным образом завещаниями, документами о передаче имущества и вкладами, то ваши услуги в этот час уже мало кому требуются. И если вы живете в Милфорде, где последнюю почту разносят в три сорок пять, то всякая деловая жизнь городка замирает куда раньше четырех часов дня.

Телефон вряд ли зазвонит. Друзья Блэра по гольфу к этому времени, очевидно, находятся где-нибудь между четырнадцатой и шестнадцатой лунками. К обеду его никто не пригласит, ибо приглашения в Милфорде все еще по старинке отправлялись по почте. Не позвонит и тетя Лин с просьбой по дороге домой купить рыбы, потому что нынче ее день посещения кино и сейчас она уже, несомненно, там.

И вот этим весенним днем в ленивой тишине маленького города он сидел в конторе, уставясь на последний луч, освещавший стол красного дерева, и подумывал, не пойти ли домой. В солнечном луче стоял поднос с чаем. Ровно без десяти четыре каждый день мисс Тафф вносила в кабинет лакированный поднос, покрытый белой салфеткой, на ней чашка синего фарфора и такая же тарелка с двумя печеньями: масляное печенье по понедельникам, средам и пятницам, диетическое – по вторникам и четвергам.

Этот поднос Роберт помнил с тех пор, как помнил себя. Кухарка ходила с ним за хлебом в булочную, но мать Роберта, тогда еще совсем молодая женщина, пожертвовала поднос в контору. Что касается белой салфетки, то она возникла годы спустя, с появлением в фирме мисс Тафф. Мисс Тафф появилась во время войны. Это была первая женщина, занявшая место за рабочим столом уважаемой фирмы. Появление мисс Тафф чуть было не потрясло основы фирмы, но фирма с этим справилась, и теперь, почти четверть века спустя, трудно было себе представить, что худощавая, седовласая, строгая мисс Тафф могла когда-то вызвать такую сенсацию... В самом деле, единственным нарушением привычной рутины было появление белой салфетки: в доме мисс Тафф ничто никогда не ставилось прямо на поднос, без салфетки. Вот однажды она и принесла салфетку. Отец Роберта, хотя ему и нравился лакированный, ничем не покрытый поднос, был тронут заботой мисс Тафф и тем, что она как бы отождествляет себя с интересами фирмы. Салфетка прижилась, и теперь она такая же неотъемлемая часть фирмы, как медная дощечка на двери, ящики с документами и ежегодная простуда мистера Хэзелтайна.

И вот в ту минуту, когда взгляд Роберта покоился на синей тарелке, он испытал странное чувство. Это чувство не имело связи с диетическим печеньем, во всяком случае связи физической. Это чувство было связано с ощущением неизбежности: по четвергам печенье диетическое, а по понедельникам – масляное. До последнего времени Роберт не находил ничего дурного в этом постоянстве, в этой нерушимости. Никогда он не желал себе другой жизни, кроме спокойного, мирного существования в этом городке, где вырос. Да и сейчас он не желал ничего другого! Но вот в последнее время уже дважды или трижды его посетила странная, ничем вроде бы не вызванная мысль: «И это все, что ты увидишь в жизни». С этой мыслью появлялось неприятное ощущение в груди, похожее на тот почти панический страх, сжимавший его десятилетнее мальчишеское сердце, когда он вспоминал, что назначен на прием к зубному врачу. Это и раздражало, и изумляло Роберта, считавшего себя вполне счастливым человеком.

Откуда берется странная, сжимающая сердце мысль? Чего ему не хватает? Жены? Но он бы мог жениться, если бы захотел. Заботливой матери? Но какая мать могла бы так о нем заботиться, как милая, добрая тетя Лин? Богатства? Но разве было хоть что-нибудь, чего он хотел бы купить и не мог? Если это не богатство, то что ж тогда богатство? Жизнь, полная приключений? Никогда он не жаждал приключений, кроме тех, какие даются охотой... Но что же тогда? Что ему нужно?

Роберт Блэр всегда надеялся, что жизнь его так и будет идти без перемен до самой смерти. С детства он знал, что будет работать в фирме и со временем сменит своего отца. С добродушной жалостью он глядел на мальчиков, у которых нет такого же заранее заготовленного удела, на тех, у кого нет Милфорда, где ждут друзья, где все полно воспоминаниями, на тех, у кого нет этой английской преемственности, уготованной фирмой «Блэр, Хэйвард и Беннет».

Уже с 1843 года в фирме нет Хэйварда, но юный отпрыск рода Беннетов – Невил в этот момент занимал заднюю комнату фирмы. Именно «занимал», но трудно было вообразить, чтобы он там работал: он писал там поэмы, ибо ничто иное его не интересовало. Поэмы были столь оригинальны, что понять их мог лишь сам Невил.

Солнечный луч касался уже самого краешка подноса, и Роберт окончательно решил идти домой. Он пройдет пешком. Прогулка по Хай-стрит всегда доставляла ему удовольствие. Не то чтобы Милфорд был уж таким красивым городом. Но в этом городке было нечто, отражавшее устойчивость английской жизни за последние триста лет...

Внезапно зазвонил телефон. Позже Роберт часто думал: а что бы случилось, если бы этот звонок раздался минутой позже? Минутой позже он уже взял бы свою шляпу с крючка в передней и, просунувшись в дверь комнаты напротив, сообщил бы мистеру Хэзелтайну, что уходит. И на этот звонок ответил бы Хэзелтайн, сказав, что мистер Блэр уже ушел. И все последующее представляло бы для Роберта лишь отдаленный интерес... Но телефон зазвонил вовремя, и Роберт взял трубку.

– Мистер Блэр? – спросил женский низковатый голос. Чувствовалось, что в обычное время он звучит уверенно, но сейчас говорившая задыхалась. – Ох, как я рада, что застала вас! Я боялась, что вы уже ушли. Моя фамилия Шарп, Марион Шарп. Мы с матерью живем в доме Фрэнчайз на Ларборо-роуд.

– Знаю, – сказал Блэр.

Он знал Марион Шарп по виду, как знал всех в Милфорде и его окрестностях: высокая, худощавая, темноволосая женщина лет сорока или около того. Обычно она щеголяла в ярких косынках, подчеркивающих ее цыганскую смуглость. В своем старом, выдавшем виды автомобиле она приезжала в Милфорд за покупками, а тем временем ее седовласая старая мать сидела в машине, сидела выпрямившись, как-то не вписываясь в городской пейзаж, и чудилось, будто она против чего-то молчаливо протестует. У нее был резко очерченный профиль, а когда она поворачивалась к вам лицом, было видно, что глаза у нее ясные, бледные, холодные – глаза чайки, и похожа она на колдунью. Словом, малопрятная старая дама.

– Вы меня не знаете, – продолжал голос, – но я видела вас в Милфорде, и вы показались мне добрым человеком. Мне нужен адвокат! Сейчас нужен, сию минуту! У меня неприятности...

– Если речь идет о вашем автомобиле... – начал Роберт.

«Неприятности» в Милфорде означали лишь две вещи: либо задержка очередного взноса за автомобиль, либо нарушение правил уличного движения. Поскольку у Марион Шарп автомобиль был очень старый, речь шла, видимо, о втором. Но в любом случае это никак не касалось фирмы «Блэр, Хэйвард и Беннет». Он переадресует ее к Карлею, способному малому, чья контора на другом конце улицы. Карлей специалист по этим делам...

– Автомобиль? – спросила его собеседница таким тоном, будто ей было трудно вспомнить, что означает это слово. – А, поняла. Нет, нет, ничего похожего. Дело куда серьезнее. Скотленд-Ярд.

Скотленд-Ярд! Для мирного деревенского адвоката и джентльмена, каким был Роберт Блэр, слова «Скотленд-Ярд» звучали так же экзотически, как, скажем, «Гонолулу», «Голливуд» или «парашютные прыжки». В качестве сознательного гражданина он был в хороших отношениях с местной полицией, и на этом его связь с миром преступлений кончалась.

– Я никого не убила, если вы это думаете, – сказали на конце провода.

– Вопрос в другом: вас подозревают в том, что вы кого-то убили?

– Здесь дело не в убийстве. Меня подозревают в том, что я кого-то похитила. Короче, мне нужен адвокат сейчас же, сию минуту!

– По-моему, вам нужен не я, – ответил Роберт. – Я практически не разбираюсь в Уголовном кодексе. Моя фирма такими делами не занимается. Я могу вам порекомендовать...

– Я не хочу адвоката по уголовным делам, я хочу друга! Чтобы он стоял рядом и следил, чтобы я не наговорила лишнего. Чтобы он подсказывал мне, на какие вопросы я могу не отвечать, если не желаю, и в этом роде... Для этого, по-моему, не обязательно быть специалистом по уголовным делам.

– Верно. И все же вам куда лучше поможет фирма, привыкшая к уголовным делам. Я думаю, будет разумнее...

– Знаете, что мне кажется? – перебила она. – У меня ощущение, будто я тону, не могу вылезти на берег, а вы, вместо того чтобы подать мне руку, убеждаете меня, что на противоположный берег вылезти куда проще...

Мгновение оба молчали.

– Напротив, – сказал Роберт, – я могу порекомендовать вам отличного специалиста по вытаскиванию тонущих на берег! Бенджамен Карлей куда лучше моего знает, как защитить тех...

– Что? Этот маленький человечек в полосатых костюмах?.. – Ее голос поднялся почти до крика. И снова секунда молчания. – Простите меня, – продолжала она затем своим обычным голосом. – Я говорю глупости. Но видите ли, я позвонила вам не потому, что считаю, что вы такой уж ловкий адвокат, но лишь потому, что я в беде и нуждаюсь в совете человека, который вызывает доверие... Мистер Блэр, прошу вас, приезжайте! Люди из Скотленд-Ярда сейчас у меня в доме. И если вы, приехав, увидите на месте, что не желаете этим заниматься, вы же всегда сможете передать дело кому-то другому, правда?

Роберт Блэр был слишком добродушен, чтобы отказать человеку в разумной просьбе, и, кроме того, ему дали лазейку на случай, если дело покажется неприемлемым. Ему уже расхотелось переадресовывать эту женщину к Бену Карлею. Несмотря на ее глупые слова о «полосатых костюмах», Роберт, в общем-то, понял, что она имела в виду. Если вы действительно что-то натворили и хотите избежать ответственности, то Карлей тут неоценим. Но если вы просто растеряны, если вы в беде и невиновны, то вряд ли Карлей, с его нагловатыми манерами, мог оказать помощь.

«О каком похищении идет речь? – думал Блэр, направляясь за своим автомобилем в гараж на Син-лейн. – Существует ли такое преступление в английском своде законов? И кого могла эта женщина похитить? Ребенка? Быть может, вундеркинда? Хотя обе женщины жили в большом доме на Ларборо-роуд, они производили впечатление людей очень и очень небогатых. А может, они похитили ребенка, потому что решили, что с ним плохо обращаются его законные опекуны? Возможно. У старухи лицо фанатички, да и сама Марион производила впечатление человека, способного при случае пойти на риск. Да, возможно, это просто дурно понятая филантропия». «Задержание с целью лишить родителей, опекунов и т. д. власти над...» Эх, подзабыл он уголовное право! Не мог вспомнить сейчас: похищение – это уголов-

ное дело с соответствующим наказанием или же проступок? Делами о «похищении и задержании» фирма «Блэр, Хэйвард и Беннет» не занималась с 1798 года, когда один молодой сквайр из Лессоуса, выпив несколько больше, чем следует, на балу у неких Греттонов, перекинул через седло юную мисс Греттон и ускакал с нею, причем о намерениях сквайра не так уж трудно было догадаться...

На узенькой улочке Син-лейн прямо друг против друга стояли гараж и платная конюшня города Милфорда, пребывающие в состоянии вечной вражды. Автомобили пугали лошадей (так, во всяком случае, утверждали служители при конюшне), а возы с сеном и прочим фуражом для конюшни мешали выезду из переулка – это утверждали работники гаража. Владелец конюшни старый Мэт Эллис, бывший кавалерист, смотрел на работников гаража Билла Бору и Стэнли Питерса (во время войны оба были связистами) как на представителей поколения, уничтожавшего кавалерию и угрожавшего цивилизации...

Зимой, во время охотничьего сезона, Роберт общался с кавалеристом и выслушивал его жалобы, в другое время года, когда автомобиль чинился и смазывался в гараже, он вникал в обиды работников гаража. Вот и сейчас Стэнли непременно понадобилось выяснить, какова разница между оскорблением и клеветой и можно ли считать диффамацией слова Мэта...

– Не знаю, Стэн. Надо подумать, – перебил Роберт, быстро нажимая на стартер.

Но сразу уехать ему не удалось. Пришлось ждать, пока выезд из переулка не освободят верховые: трое толстых детей и их грум, возвращавшиеся с послеобеденной прогулки. «Ну вот, сами видите!» – сказал Стэнли за спиной Роберта.

Чем ближе к южному окончанию Хай-стрит, тем меньше становилось магазинов и лавок, тем больше жилых домов, затем шли виллы, окруженные садами, а потом сразу поля. Поля, отгороженные друг от друга живыми изгородями, тянулись бесконечно, домов почти не видно, можно ехать милю за милей, не встретив ни единого живого существа.

Там дальше, за горизонтом, находился Ларборо – городок, застроенный домами из грязного кирпича. В двух милях отсюда на Ларборо-роуд стоял дом, известный как Фрэнчайз. Когда-то давно некто приобрел поле, называемое Фрэнчайз, построил посередине плоский белый дом и затем окружил высокой, крепкой кирпичной стеной, как бы наглухо отгородив этот дом от мира. Когда-то при доме была конюшня, но она тоже была спрятана за кирпичной стеной. Дом походил на детскую игрушку, случайно оброненную на пустынной дороге. С тех пор как Роберт себя помнил, тут жил одинокий старик, а сравнительно недавно в Милфорд стала наезжать за покупками Марион Шарп с матерью, и вскоре стало известно, что они поселились в доме Фрэнчайз, унаследовав его после кончины старика. «Как давно они переселились сюда? – старался вспомнить Роберт. – Три года назад? Четыре?»

Эти женщины не пытались завести знакомства среди обитателей Милфорда, держались особняком; у обеих был такой вид, будто им вполне хватает общества друг друга.

Когда Роберт остановил свой автомобиль у высоких железных ворот, он увидел, что там стоят еще две машины. Достаточно было взглянуть на ближайшую – такую незаметную, ухоженную, скромную, чтобы понять, чья она. «В какой другой стране мира, – подумал Роберт, – полиция старается быть такой вежливой и предупредительно-ненавязчивой?»

Он поглядел на вторую машину и увидел, что она принадлежит Хэлламу – местному инспектору, классному игроку в гольф.

В полицейском автомобиле сидели трое: шофер, а на заднем сиденье – женщина средних лет и то ли ребенок, то ли юная девушка. Шофер скользнул по Роберту мягким, отсутствующим и все замечающим полицейским взглядом, а затем отвернулся. Лиц у сидящих сзади Роберту рассмотреть не удалось.

Высокие железные ворота были закрыты – Роберт не помнил, чтобы они когда-нибудь вообще бывали открыты, – и он толкнул одну из железных половинок, не скрывая любопытства. Ворота с их плоскими железными листами были сделаны явно все с той же целью –

укрыться от посторонних взглядов. Стена была слишком высока, чтобы можно было что-то разглядеть с улицы, и, кроме крыши и труб, заметных издали, Роберт Блэр никогда не видел дома Фрэнчайз.

Его ждало разочарование: дом оказался уродлив. Все там было немножко не так, как хотелось бы: окна неправильного размера, слишком широкая дверь, слишком высокие ступени, и в целом у дома было хмурое выражение. Пока Роберт шагал через двор к негостеприимной двери, он догадался, что ему напомнил этот дом: собаку, внезапно разбуженную шагами прохожего и еще не знающую, что делать – накинуться на него или попросту залаять. «Что вам тут надо?» – вот с каким выражением глядел на чужака этот дом.

Он не успел позвонить, как на пороге появилась не горничная, а сама Марион Шарп.

– Я увидела вас в окно, – сказала она, протягивая ему руку, – и боялась, что вы позвоните: мама обычно отдыхает в это время. Я надеюсь, что нам удастся поговорить до ее пробуждения. Хоть бы она никогда ничего об этом не узнала! Не могу выразить, как я вам благодарна за ваш приезд!

Роберт пробормотал что-то в ответ и тут только заметил, что глаза у нее вовсе не цыганские, черные, как он думал, а серо-карие. Она ввела его в дом, и он, кладя свою шляпу на комод в передней, обратил внимание на старый, потертый ковер.

Инспектор Хэллам пристроился на краешке вышитого бисером сиденья стула и выглядел смущенно. А у окна, чувствуя себя весьма и весьма свободно, восседал на старинном стуле Скотленд-Ярд в лице молодого человека в прекрасно сшитом костюме.

Оба встали, и Роберт поздоровался с Хэлламом.

– Значит, вы знакомы? – спросила Марион Шарп. – Ну а это инспектор Грант из Скотленд-Ярда.

Пожимая Роберту руку, Грант сказал:

– Рад, что вы приехали, мистер Блэр, не только за мисс Шарп, но и за себя.

– За себя?

– Если бы мисс Шарп не имела поддержки, пусть даже просто дружеской, мне было бы трудно продолжать. Но вы адвокат, и тем лучше!

– В чем вы ее обвиняете?

– Мы ни в чем ее не обвиняем... – начал было Грант, но Марион его перебила:

– Предполагается, что я кого-то похитила и избила.

– Избила?

– Именно. Избила ее в кровь, до синяков.

– Ее?

– Девочку. Она сейчас там, за воротами, в машине.

– Разрешите, я объясню, – мягко предложил Грант.

– Хорошо, – согласилась мисс Шарп, – объясняйте. Это ведь ваша версия!

«Интересно знать, – подумал Роберт, – уловил ли Грант насмешку в ее тоне?» Роберта несколько удивило присутствие духа мисс Шарп, позволившей себе насмешливо разговаривать с представителем Скотленд-Ярда. А по телефону она не казалась такой выдержанной и смелой. Тогда в голосе ее звучало отчаяние. Быть может, присутствие союзника подбодрило ее, а быть может, у нее попросту открылось второе дыхание.

– Как раз перед Пасхой, – заговорил Грант в сжатой и точной полицейской манере, – девочка по имени Элизабет Кейн, живущая со своими опекунами около Эйлсбери, поехала на каникулы к своей замужней тете в Мэйншил, в окрестности Ларборо. Она отправилась туда автобусом, потому что автобусы из Лондона в Ларборо, проходящие через Эйлсбери, также проходят через Мэйншил. Таким образом, она могла сойти с автобуса в Мэйншиле, откуда всего три минуты ходьбы до дома ее тети. Если бы она ехала поездом, ей пришлось бы выйти в Ларборо и затем ехать в обратном направлении. В конце недели ее опекуны мистер и миссис

Уинн получили от нее открытку, в которой говорилось, что ей живется у тети весело и она собирается побыть тут еще. Опекуны поняли, что девочка решила остаться в Мэйншиле до конца школьных каникул, то есть еще на три недели. Но когда она не явилась домой к началу школьных занятий, опекуны решили, что она просто разленилась, и написали тете, чтобы та отправила девочку домой. Но тетя, вместо того чтобы позвонить по телефону из ближайшего почтового отделения, сообщила Уиннам в письме, что племянница уехала от нее уже две недели назад. Обмен письмами занял большую половину следующей недели, и когда опекуны обратились в полицию, то в общей сложности девочка отсутствовала уже три недели. Полиция приняла меры к розыску, но тут девочка явилась сама. Однажды ночью она пришла домой в платье на голое тело, без чулок, в одних башмаках, еле волоча ноги от усталости.

– Сколько ей лет?

– Пятнадцать, вернее, почти шестнадцать. Она сказала, что ее похитили, увезли в автомобиле. И это все, что опекуны смогли от нее добиться за два дня. Она была в полубессознательном состоянии. Примерно через двое суток она пришла в себя и тогда рассказала им...

– Им?

– Ну да, своим опекунам, Уиннам. Полиция намеревалась расспросить ее саму, но девочка так нервничала при упоминании о полиции, что пришлось от непосредственного контакта отказаться и довольствоваться тем, что она рассказала домашним. По ее словам, когда она ждала на перекрестке в Мэйншиле, рядом остановился автомобиль, в нем сидели две женщины. Та, что помоложе, была за рулем и предложила девочке довезти ее.

– Девочка была одна?

– Да.

– Почему же никто ее не провожал?

– Дядя работал, а тетку какие-то друзья попросили быть крестной матерью их младенца, и она в тот день отправилась на крестины... Девочка сказала, что ждет лондонский автобус, но женщины сообщили ей, что автобус уже ушел, и она им поверила. Она и сама боялась, что опоздала к автобусу, а было уже четыре часа, шел дождь, начинало темнеть. Женщины предложили довезти ее до местечка, название которого она не разобрала, откуда через полчаса пойдет автобус к Лондону. Девочка с благодарностью приняла это предложение и села рядом со старой женщиной... Дождь заливал стекла. Впрочем, девочка не обращала внимания на дорогу и рассказывала своей соседке о себе. Когда наконец она огляделась, уже совсем стемнело, и казалось, что они едут уже очень долго. Тут она стала благодарить дам за их доброту, что они ради нее отклонились от своего пути, но женщина помоложе, которая до сих пор молчала, заявила, что нет, вовсе они не отклонились, они едут к своему дому, и предложила девочке зайти выпить кофе и перекусить, а затем ее отвезут к автобусу... Зачем, мол, двадцать минут под дождем ждать автобуса, когда за это время можно обогреться и поесть? Девочка согласилась. Они въехали в ворота, но было слишком темно, чтобы разглядеть дом. Девочку ввели на кухню...

– На кухню? – переспросил Роберт.

– Да. Старая женщина поставила на плиту кофейник – разогреть кофе, а другая стала делать бутерброды. Пока они пили и ели, старая дама сообщила, что у них сейчас нет горничной и, быть может, девочка согласится поработать у них хоть немного. Та наотрез отказалась. Женщины настаивали... Сказали, пусть хоть поднимется наверх, посмотрит, в какой славной комнатке ей предстоит жить, если она здесь останется... Девочка говорит, что в ту минуту она была такой усталой и растерянной, что подчинилась. Она помнит, что первый марш лестницы был застлан ковровой дорожкой, на втором же дорожки не было, а было под ногами «что-то твердое». И это все, что она запомнила, пока не проснулась следующим утром на узкой и низкой кровати в чердачной голой комнате. На девочке осталась лишь комбинация, и никаких следов ее одежды. Дверь заперта, маленькое круглое окно – тоже. Во всяком случае...

– Круглое окно, – повторил Роберт с чувством какой-то неловкости.

– Да, круглое, – подтвердила Марион. – Круглое окно в крыше.

...Когда Роберт подходил к дому, у него мелькнула мысль: «До чего ж неудачно всажено в крышу это круглое оконце». Поэтому слова Марион показались ему вполне достаточным комментарием...

Грант, по своему обыкновению, сделал вежливую паузу и продолжил:

– Скоро более молодая женщина явилась с миской каши. Девочка отказалась есть, потребовав, чтобы ей вернули одежду и отпустили. Женщина ответила, что, мол, будешь есть, когда проголодаешься, и, оставив миску, ушла. Девочка просидела одна до вечера. Затем снова пришла эта женщина, принесла поднос с чаем и свежими булочками и вновь стала уговаривать девочку поработать горничной. Девочка снова отказалась. По ее словам, эти уговоры и даже угрозы продолжались несколько дней. Наконец она решила разбить окошко, выбраться на крышу и позвать на помощь какого-нибудь прохожего или бродячего торговца. К сожалению, единственным орудием был стул, и девочке не удалось разбить стекло, оно лишь треснуло. И тут ворвалась молодая женщина. Она выхватила у девочки стул, избила ее, унесла стул, затем вернулась с хлыстом и вновь стала бить девочку, пока та не потеряла сознание. На следующий день появилась старуха с охажкой постельного белья и заявила, что если девочка не хочет работать, то пусть хотя бы займется починкой. Если же и это не будет делать, то не получит еды. Но девочка слишком скверно себя чувствовала, чтобы взяться за шитье, и ей не дали есть. На другой день ее вновь собирались избить, если она не возьмется за починку. Она починила кое-что из белья, и ей дали тушеного мяса на ужин. Так продолжалось несколько дней, и если девочка шила плохо или мало, ее лишали пищи и били. Однажды старуха принесла ей, как обычно, тарелку с тушеным мясом и ушла, оставив дверь незапертой. Девочка немного подождала, решив, что это ловушка, но затем выбралась на лестничную площадку. Было тихо, и она сбегала вниз по ступенькам. Из кухни раздавались голоса обеих женщин. Девочка кинулась к входной двери, тоже оказавшейся незапертой, и выскочила в ночную тьму...

– В комбинации? – спросил Роберт.

– Да, забыл сказать, что платье ей вернули. На чердаке нет отопления, и, если бы она оставалась в одной комбинации, она бы, возможно, простудилась и умерла.

– Если она вообще была на чердаке, – заметил Роберт.

– Если, как вы сказали, она вообще была на чердаке, – спокойно подтвердил инспектор. И продолжал: – Что было дальше, она плохо помнит. По ее словам, она долго брела в темноте. Ей показалось, что это шоссе, но навстречу не попадались ни машины, ни пешеходы. Затем появился грузовик. Шофер заметил ее в свете фар и остановился, предложив подвезти. Девочка так устала, что тут же уснула. Когда она проснулась, они стояли на обочине, и шофер грузовика со смехом сказал, что она похожа на куклу, из которой вытряхнули опилки. Шофер уверял, что она просила высадить ее именно в этом месте. Он уехал, а она, оглядевшись, узнала местность: до ее дома оставалось менее двух миль. Тут она услышала, как часы проббили одиннадцать. И незадолго до полуночи явилась домой.

Глава вторая

Наступило короткое молчание.

– Это та девочка, которая сидит сейчас там, в машине? – спросил Роберт.

– Та самая.

– Видимо, у вас были причины привезти ее сюда?

– Да. Когда она вполне оправилась, ее удалось убедить рассказать полиции все, что с ней случилось. Рассказ застенографирован, она прочитала и подписала стенограмму. В этом заявлении было два пункта, которые помогли полиции. Вот они:

«Когда мы находились в пути, то обогнали автобус со светящейся надписью: „МИЛ-ФОРД“. Нет, я не знаю, где Милфорд. Я там никогда не бывала».

И вот еще:

«Из окна чердака мне были видны высокая кирпичная стена и большие железные ворота. Позади стены шла дорога, потому что я видела телеграфные столбы. Нет, я не могла видеть идущие по дороге машины: стена была слишком высокая. Изредка лишь крыши грузовиков. Сквозь ворота тоже ничего не увидишь, потому что они закрыты изнутри листовым железом. От ворот автомобильная дорожка сначала идет прямо, затем разветвляется, делая круг у двери. Нет, я не помню никаких кустов или клумб, просто трава. Да, по-моему, лужайка. Нет, просто трава и тропинки».

Грант захлопнул блокнот.

– После тщательных поисков мы установили, что ни один дом между Ларборо и Милфордом не соответствовал этому описанию, кроме Фрэнчайза. А Фрэнчайз соответствует даже в мелочах. Когда девочка сегодня увидела стену и ворота, она прямо заявила, что это то самое место. Внутри она еще не была. Я хотел сначала поговорить с мисс Шарп и удостовериться, что она не возражает против того, чтобы увидеть девочку. Мисс Шарп справедливо предложила, чтобы при этом свидании присутствовал свидетель.

– Теперь вы понимаете, почему мне так спешно понадобилась помощь? – сказала Марион Шарп, повернувшись к Роберту. – Слышали вы когда-нибудь такую чепуху?

– И в самом деле, рассказ девочки – это довольно-таки пестрая смесь фактов и абсурдов, – ответил Роберт. – Конечно, домашнюю работницу найти трудно, но какому нормальному человеку может прийти в голову мысль заполучить прислугу насильно, не говоря уж об избивениях, о голоде?..

– Нормальному человеку – разумеется, – согласился Грант, пристально глядя на Роберта. – Но поверьте, за первый же год работы в Скотленд-Ярде мне пришлось столкнуться с вещами куда менее правдоподобными. Нет предела людским странностям.

– Верно. Но немало странностей и в поведении девочки. Кстати сказать, все странности начинаются именно с нее. Это ведь она пропала неизвестно где целый месяц, а тем временем жизнь здесь, в этом доме, шла как обычно. Не сообщит ли нам мисс Шарп, что она делала в тот день, о котором идет речь?

– Алиби у меня нет, – сказала Марион Шарп. – Инспектор утверждает, что случилось это двадцать восьмого марта, с тех пор прошло немало времени, а жизнь наша так однообразна... Мы просто не в силах вспомнить, что именно делали двадцать восьмого марта, и вряд ли кто-нибудь сможет припомнить это за нас.

– Ваша служанка? – спросил Роберт. – Слуги порой помнят все мелочи, все, что случается в доме. На этот счет у них просто редкостная память.

– У нас нет служанки, – ответила Марион. – Нам трудно найти служанку: дом Фрэнчайз стоит на отшибе.

Присутствующие ощутили какую-то неловкость. Наступило молчание, и Роберт поспешил его нарушить:

– Эта девочка... Как ее имя, между прочим?

– Элизабет Кейн. Все зовут ее Бетти Кейн.

– Ах да, вы мне уже говорили, простите. Так вот, что известно об этой девочке? Полагаю, что, прежде чем поверить ее рассказу, полиция поинтересовалась ее прошлым? Почему, например, у нее опекуны, а не родители?

– Она сирота. Во время войны ее эвакуировали в район Эйлсбери. Она была единственным ребенком среди эвакуированных, и ее закрепили за Уиннами, у которых был сын четырьмя годами старше девочки. Примерно через год родители девочки погибли, и Уинны, которые всегда мечтали иметь дочь, с радостью оставили ее у себя. Она относится к ним как к родителям, так как едва помнит своих отца и мать.

– Понятно. Ее характеристика?

– Превосходная девочка, спокойная, тихая. Учится хорошо, хотя и не блестяще. Никаких историй ни в школе, ни вне ее. Абсолютно правдива – вот что сказала о ней ее школьная учительница.

– Когда она явилась домой после отсутствия, были ли на ней следы побоев?

– О да! Доктор семьи Уинн осматривал девочку на следующее утро и заявил, что ее били, и били жестоко. Следы побоев сохранились и позже, когда она делала для нас заявление.

– Она не эпилептичка?

– Нет-нет, мы сразу же этим поинтересовались. Должен сказать, что Уинны – люди весьма разумные. Они были очень огорчены и взволнованы, однако не пожелали драматизировать случившееся, не хотели, чтобы девочка стала предметом нездорового интереса или чьей-либо жалости. Они отнеслись к происшедшему с достойной всяческих похвал сдержанностью.

– По-моему, единственно, что мне остается, – это тоже отнестись ко всему с достойной всяких похвал сдержанностью, – сказала Марион Шарп.

– Войдите в мое положение, мисс Шарп! Девочка описала не только дом, где, как она утверждает, ее заперли, но и обитательниц дома, и очень точно: «Худошавая старая женщина с мягкими седыми волосами, без шляпы, в черном, и женщина много моложе, высокая, тонкая, темноволосая, как цыганка, без шляпы, с яркой косынкой на шее».

– Да-да. Не придумаю никаких объяснений, но ваше положение мне понятно. Ну а теперь давайте пригласим девочку, но перед этим мне хотелось бы сказать...

Дверь бесшумно распахнулась, и на пороге возникла старая миссис Шарп. После сна ее стриженные седые волосы были всклокочены и она сильнее, чем обычно, походила на колдунью. Затворив за собой дверь, она оглядела собравшихся с каким-то злорадным интересом.

– Ха! – проговорила она хрипло, словно курица прокудахтала. – Трое незнакомцев.

– Позволь мне представить их тебе, мама! – сказала Марион, когда присутствующие вскочили на ноги. – Это мистер Блэр из фирмы «Блэр, Хэйвард и Беннет», у них еще такой красивый дом на Хай-стрит.

– Дому нужна новая крыша! – заявила старуха.

Замечание правильное, но весьма неожиданное. Роберта отчасти утешило, что ее приветствие, обращенное к Гранту, оказалось еще более странным. Ее ничуть не удивило присутствие Скотленд-Ярда в их гостиной, и она просто сухо сказала:

– Вам не следовало садиться на этот стул, вы для него слишком тяжелы.

Но когда дочь представила ей инспектора местной полиции, старая дама бросила на него косой взгляд, лишь слегка наклонив голову, и явно тут же забыла о нем. Судя по выражению лица Хэллама, прием хозяйки его буквально сразил.

Грант вопросительно взглянул на мисс Шарп.

– Я расскажу ей все сама, – сказала она. – Мама, инспектор хочет, чтобы мы повидали девочку, которая сейчас ждет в машине. Она пропадала целый месяц, и наконец когда появилась у себя дома в Эйлсбери в очень неважном состоянии, то сообщила, что ее держали у себя люди, желавшие превратить ее в служанку. Они держали ее взаперти и, когда она отказывалась работать, морили ее голодом и избивали. Она описала и дом, и людей очень точно, и вышло так, что мы с тобой полностью совпадаем с этим описанием. Наш дом – тоже. По ее словам, мы запирали ее на чердаке с круглым окошком.

– Чрезвычайно интересно, – заявила старая дама, усаживаясь на диван. – Чем же мы ее били?

– Хлыстом для собаки, насколько я поняла.

– А у нас есть такой хлыст?

– По-моему, у нас есть старый собачий поводок. В случае надобности его можно превратить в хлыст. Но дело в том, что инспектор хочет, чтобы мы повидались с девочкой. Пусть она подтвердит, что мы те женщины, которые похитили ее.

– Вы не возражаете, миссис Шарп? – спросил Грант.

– Напротив, инспектор! Я с нетерпением жду этого свидания. Право, не каждый день я ложусь спать после обеда скучной старой женщиной, а просыпаюсь каким-то чудовищем.

Хэллам собрался было идти вниз, но Грант жестом остановил его. Очевидно, он сам решил понаблюдать за тем, какова будет реакция девочки на все, что она увидит внутри ограды.

Когда инспектор вышел, мисс Шарп объяснила матери, почему здесь присутствует Блэр.

– Было очень мило с его стороны сразу же согласиться и приехать так быстро!

– Я вам весьма сочувствую, мистер Блэр, – сказала старая дама, но при всем желании в голосе ее нельзя было уловить даже нотки сочувствия.

– Почему, миссис Шарп?

– Потому что уголовщина и психиатрия вряд ли ваша специальность.

– А на мой взгляд, все это очень интересно, – сказал Роберт и увидел на лице старой дамы некоторое подобие улыбки.

Роберту даже вдруг показалось, что она почувствовала к нему расположение, хотя об этом трудно было догадаться по ее тону. Сухой голос по-прежнему язвительно произнес:

– Да, развлечений у нас в Милфорде маловато. Вот моя дочь, например, гоняет кусок гуттаперчи по гольфовому полю...

– Теперь гоняют не гуттаперчу, мама, – вставила дочь.

– ...но для людей моего возраста в Милфорде нет даже таких развлечений...

Дверь открылась, и на пороге появился инспектор Грант. Он вошел первым, чтобы видеть выражения лиц присутствующих, а вслед за ним вошли служащая полиции и девочка.

Марион Шарп медленно приподнялась с места, как бы желая достойно встретить то, что ей предстоит. Ее мать осталась сидеть на диване, лишь слегка выпрямившись, сложив на коленях руки, с таким выражением, будто она дает аудиенцию. И хотя волосы старой дамы были всклокочены, создавалось впечатление, что она хозяйка положения.

На девочке были школьная форменная куртка и детские, на низких каблуках школьные туфли. Она выглядела моложе, чем предполагал Блэр. Ростом невысока, и хорошенькой ее не назовешь. Но было в ней – как бы это точнее сказать – какое-то скрытое очарование... Ее темно-голубые глаза были широко расставлены, светлые волосы красивой линией лежали над чистым лбом, а на щеках, под чуть выдающимися скулами, по маленькой ямочке, что придавало ее лицу детски-трогательное выражение. Нижняя губа, пожалуй, полновата, рот слишком маленький. И уши маленькие. Слишком маленькие и слишком плотно прижаты к голове. В общем, самая обыкновенная девочка, отнюдь не похожая на героиню столь сенсационной истории. «Интересно, как бы она выглядела в другом костюме?» – подумал Роберт.

Взгляд девочки остановился сначала на старухе, затем на Марион. В этом взгляде не было ни удивления, ни торжества, ни даже, как ни странно, простого любопытства.

– Да, это те самые женщины, – сказала она.

– Вы в этом уверены? – спросил Грант и добавил: – Помните, что это очень серьезное обвинение.

– Да, уверена. А как же иначе?

– Значит, эти две дамы – те самые женщины, которые заперли вас, отобрали у вас одежду, заставляли вас чинить белье и били вас хлыстом?

– Да. Те самые.

– Потрясающая лгунья, – сказала миссис Шарп таким тоном, каким обычно говорят «потрясающее сходство».

– Вы сообщили, что мы отвели вас на кухню, где напоили кофе, – сказала Марион. – Можете описать кухню?

– Я не вглядывалась. Помню, что кухня большая, с каменным полом.

– А какая там плита?

– Плиту я не заметила, но вот кастрюля, в которой старая дама разогревала кофе, была бледно-голубая, эмалированная, с темно-синей каймой, а внизу немножечко побитая.

– Полагаю, что в Англии нет кухни, где не было бы точно такой кастрюли, – заметила Марион. – У нас, например, таких три.

– Она девственница? – спросила миссис Шарп тем вежливо-заинтересованным голосом, каким спрашивают: «Как называется этот мост?»

Последовало изумленное молчание, и Роберт, оглядевшись, увидел вытянувшееся лицо Хэллама и яркий румянец на щеках девочки. Однако больше всего его поразило то, что со стороны Марион не последовало возгласа «Мама!», которого он ожидал с каким-то подсознательным убеждением. Не означало ли это молчаливого одобрения? Или же Марион, всю жизнь проведя бок о бок с матерью, уже привыкла ничему не удивляться?

Первым прервал молчание Грант, заявив с укоризной в голосе, что это не имеет значения.

– Вы так думаете? – спросила старая дама. – Если бы я пропадала из дому целый месяц, именно на этот вопрос моя мать пожелала бы получить ответ в первую очередь. Ну-с, теперь, когда девочка нас опознала, что ж вы собираетесь делать? Арестовать нас?

– Нет-нет. Пока об этом не может быть и речи. Я собираюсь пойти с мисс Кейн на кухню и на чердак, чтобы проверить, правильно ли ее описание. Если ее показания подтвердятся, доложу начальнику, а там уж он сам будет решать, что делать.

– Понимаю. Что ж, осторожность похвальная, инспектор. – Она медленно поднялась с дивана. – А теперь, с вашего разрешения, я вернусь в спальню и наверстаю прерванный по вашей вине отдых.

– Но разве вы не хотите присутствовать при том, как мисс Кейн увидит... не хотите сами услышать... – забормотал Грант, впервые с момента своего появления в доме утративший сдержанность – видимо, от изумления.

– Боже мой, конечно нет. Я ничуть не сомневаюсь, что мисс Кейн узнает чердак. И впрямь я была бы безмерно удивлена, если бы она его не узнала.

Старуха двинулась к двери, возле которой стояла Бетти Кейн, и в глазах девочки вдруг вспыхнула тревога, губы дрогнули от испуга. Служащая полиции шагнула вперед, как бы желая защитить девочку. Миссис Шарп спокойно продолжала путь, но, не дойдя двух шагов до Бетти, остановилась, так что они очутились друг против друга. Целых пять секунд старая дама молча и с интересом разглядывала юное личико.

– Мы знакомы, к сожалению, слишком мало, – проговорила наконец миссис Шарп, – хотя находимся на довольно-таки короткой ноге, раз один уже бьет другого. Надеюсь, мисс Кейн, узнать вас поближе в скором будущем! – Она повернулась к Роберту. – До свидания,

мистер Блэр. Надеюсь, мы и впредь не потеряем для вас интереса. – И, не обращая внимания на остальных, она подошла к двери, которую Хэллам ей открыл.

Когда она ушла, все вздохнули не без облегчения. Роберт почувствовал, что он просто восхищен старой дамой: право, не так-то просто было отвлечь внимание присутствующих от оскорбленной героини.

– Вы разрешите мисс Кейн осмотреть чердак и кухню? – спросил Грант у Марион.

– Разумеется. Но я хочу вам кое-что сказать. Очень рада, что мисс Кейн здесь и услышит меня. Так вот. Я никогда в жизни не видела эту девушку. Никогда и ни при каких обстоятельствах ее не подвозила. Ни я, ни моя мать никогда не вводили ее в наш дом и не запирали ее здесь. Надеюсь, я выразилась достаточно ясно?

– Вполне, мисс Шарп. Итак, вы полностью отрицаете показания девочки?

– Полностью. С начала до конца. Ну а теперь пойдете взглянем на кухню.

Глава третья

Грант, Бетти, Роберт и Марион Шарп отправились осматривать дом, а Хэллам и служащая полиции остались в гостиной.

После того как девочка опознала кухню, она поднялась по лестнице и остановилась на площадке второго этажа.

– Мисс Кейн утверждала, – сказал Роберт, – будто второй лестничный марш был без ковра, но ковер здесь есть.

– Только до поворота, – отозвалась Марион. – Ковровая дорожка кончается как раз там, откуда снизу этого не видно. Так сказать, экономия времен королевы Виктории. В наши дни, если вы бедны, вы покупаете дешевую ковровую дорожку и застилаете ею всю лестницу. Но в те годы весьма и весьма считались с мнением соседей. Поэтому покупали дорожку получше, но покороче, и она кончалась там, откуда снизу этого не увидишь.

Девочка оказалась права и насчет третьего лестничного марша, ведущего на чердак. И тут тоже не было дорожки.

Чердак оказался низкой квадратной комнаткой, потолок которой резко опускался с трех сторон, повторяя форму крыши. Единственным источником света было круглое окошко, выходящее на фасад. Черепичные плиты спускались от окошка к низкому белому парапету. Окно было разделено рамой на четыре части, через одно стекло шла трещина. Окно, видимо, никогда не открывалось. Никакой мебели на чердаке не было.

«Какая противоестественная пустота, – подумал Роберт, – а ведь эта комната могла служить чуланом, складом ненужных вещей».

– Когда мы сюда переехали, тут валялось разное барахло, – сказала Марион, как бы отвечая на мысли Роберта, – но, коль скоро мы поняли, что большую часть времени придется обходиться без служанки, мы от этого барахла решили отделаться.

Грант вопросительно взглянул на девочку.

– Кровать стояла в этом углу, – заявила она, показывая на дальний угол, – а рядом был деревянный комод. А в этом углу, за дверью, было два чемодана и дорожный сундук с плоской крышкой. Еще был стул, но она его унесла после того, как я пыталась разбить окно. – Девочка говорила о Марион так равнодушно, будто ее рядом не было. – Я пыталась разбить вот это стекло.

Роберту показалось, будто трещина на стекле появилась не несколько недель назад, а куда раньше, но ничего не скажешь – она была налицо.

Грант прошел в дальний угол и наклонился, желая проверить пол, но можно было не наклоняться. Даже от двери, с того места, где стоял Роберт, можно было видеть следы, оставленные железными ножками кровати.

– Здесь была кровать, – подтвердила Марион. – Мы от нее отделались, как и от многих прочих вещей.

– Что вы с ней сделали?

– Дайте-ка вспомнить! Ах да. Мы отдали ее жене рабочего на молочной ферме в Стэйплс. Старший мальчик вырос из своей кровати, и мы им отдали нашу. Мы покупаем молочные продукты на этой ферме.

– Где вы держите пустые чемоданы, мисс Шарп? У вас есть еще чулан?

Впервые голос Марион дрогнул:

– У нас есть дорожный сундук с плоской крышкой, моя мать держит в нем свои вещи. Когда мы переехали в этот дом, в спальне стоял старинный комод. Мы его продали, и теперь мама пользуется этим сундуком, покрывая его ситцевой накидкой. Мои чемоданы я храню в шкафу на площадке второго этажа.

– Мисс Кейн, вы помните, что это за чемоданы?

– Да, конечно. Один – коричневой кожи с такими, знаете, медными штучками на углах, а второй – матерчатый в полоску.

– Ну что ж, описание довольно точное.

Грант еще немного задержался в комнатухе, внимательно оглядывая ее, постоял у окна, изучая открывавшийся оттуда вид, затем повернулся к присутствующим.

– Можно взглянуть на чемоданы в шкафу? – спросил он Марион.

– Разумеется, – ответила она; вид у нее был несчастный.

Внизу на площадке она открыла дверцу шкафа и отошла в сторону. Роберт тоже отступил, чтобы не мешать. Случайно взглянув на девочку, увидел, что лицо ее осветилось торжеством, совершенно изменившим это спокойное полудетское личико. Роберт был буквально потрясен. В этом ликовании было нечто дикарское, жестокое и так удивительно не вязавшееся со всем обликом скромной школьницы – гордости своих опекунов и наставников.

На полках шкафа лежали стопки постельного белья, а внизу – четыре чемодана. Два больших, фибровых, а два других – точно такие, как описала девочка: один кожаный, другой матерчатый.

– Эти чемоданы? – спросил Грант.

– Да, – ответила девочка, – эти два.

– Я не собираюсь снова беспокоить мою мать, – заявила Марион с внезапным раздражением. – Да-да, сундук в ее комнате, большой и с плоской крышкой. Он стоит в ее спальне последние три года.

– Хорошо, мисс Шарп. А теперь, с вашего позволения, мы пойдем в гараж.

Позади дома, в бывшей конюшне, превращенной ныне в гараж, маленькая группа принялась разглядывать старый, выдавший виды автомобиль. Грант вслух прочитал описание, сделанное девочкой. Оно вполне подходило к этому автомобилю. «Впрочем, подошло бы оно и к тысячам других автомобилей, бороздящих дороги Англии», – подумал про себя Блэр. Но Грант читал дальше. «Одно колесо окрашено серым, но другого оттенка, чем остальные колеса, и кажется, будто оно от другой машины. Это переднее колесо, и его-то я и увидела, когда стояла на перекрестке», – закончил Грант.

В наступившем молчании четверо людей вглядывались в переднее колесо, отличавшееся от других более темной окраской. Добавить тут, казалось, нечего.

– Благодарю вас, мисс Шарп, – произнес наконец Грант, пряча свой блокнот. – Вы были очень любезны и помогли нам, и я весьма признателен. Скажите, я могу связаться с вами по телефону в ближайшие дни, если понадобится еще раз вас побеспокоить?

– Да, конечно, инспектор. Мы не собираемся никуда уезжать.

Грант поручил девочку служащей полиции, и обе она ушли не оглянувшись. Затем удалился Грант вместе с Хэлламом. У Хэллама по-прежнему был такой вид, словно он извинялся за непрошеное вторжение.

Марион проводила их до передней, оставив Блэра в гостиной. Затем вернулась, неся поднос с бутылкой шерри и стаканы.

– Я не приглашаю вас остаться ужинать, – сказала она, ставя поднос и разливая вино. – Отчасти потому, что наши ужины – это весьма скромные сэндвичи и мало похожи на то, к чему вы привыкли. Между прочим, обеды и ужины вашей тетушки славятся по всему Милфорду, даже я о них слышала... Ну а отчасти потому, что, как сказала мама, уголовщина и психиатрия не по вашей специальности.

– Кстати, о моей специальности, – заметил Роберт. – Поняли ли вы, что у девочки перед вами огромное преимущество? Я имею в виду ее показания. Если предмет в указанном ею месте находится, это свидетельствует в ее пользу. Если его там нет, то это не может служить вам оправданием, а будет просто означать, что вы от этого предмета постарались отделаться.

Если бы, скажем, в шкафу не оказалось чемоданов, она могла бы сказать, что вы избавились от них, так как они стояли на чердаке и она их видела.

– Но она описала их, никогда в глаза не видел!

– Вы хотите сказать – описала два чемодана. Если бы ваши четыре чемодана были одинаковыми, ну, что называется, из одного гарнитура, то у нее был бы один шанс из пяти оказаться точной. Но у вас чемоданы разные и все, скажем прямо, стандартные. Значит, у нее были почти равные шансы угадать правильно.

Он взял стакан шерри, отхлебнул и удивился: вино оказалось просто великолепным.

Марион улыбнулась:

– Мы экономим, но только не на вине!

Роберт почувствовал, что краснеет. Неужели его удивление было так заметно?

– А теперь поговорим об автомобильном колесе, – продолжала Марион. – Как она могла знать, что одно колесо более темного цвета? Да и вообще – все сплошная загадка! Каким, например, образом она знала мою мать, меня, знала даже, как выглядит наш дом? Ворота у нас всегда закрыты, если б даже она их открыла... впрочем, не могу себе представить, почему вдруг она забрела бы на нашу пустынную дорогу. Так вот, даже если б она их открыла, все равно она ничего б не узнала ни о моей матери, ни обо мне...

– А не могла она, случайно, быть знакомой с вашей служанкой или с вашим садовником?

– У нас никогда не было садовника, на участке ничего не растет, кроме травы. А служанки нет вот уже целый год. Раз в неделю приходит девушка с фермы и помогает убирать дом.

Роберт посочувствовал хозяйке: дом велик и без прислуги обходиться трудно.

– Да, но мне вот что помогает. Я не из тех женщин, которые кичатся своим жильем перед соседками. А главное – иметь наконец собственное жилище так чудесно, что я готова мириться с любыми трудностями. Старый мистер Кроуль был двоюродным братом моего отца, но мы с ним не встречались. Мама и я много лет жили в лондонском пансионе. – Уголок губ дрогнул в кривой усмешке. – Вы не можете себе представить, какой популярностью пользовалась мама среди обитателей пансиона! – Усмешка исчезла. – Отец умер, когда я была совсем маленькой. Он был из породы оптимистов, из тех, кто всегда надеется завтра разбогатеть. Но в один прекрасный день, поняв, что все рухнуло, он покончил с собой, и маме пришлось выпутываться в одиночку.

Роберт подумал, что это в какой-то мере объясняет характер миссис Шарп.

– У меня не было никакой профессии, пришлось хвататься за все, что подворачивалось. Только разве в экономках никогда не бывала – терпеть не могу домоводство, а так служила в магазинах, торгующих абажурами, цветами, разной мелочью. Когда старый мистер Кроуль умер, я работала в кафе. Знаете, есть такие кафе, где по утрам собираются дамы и сплетничают. Да, это нелегко.

– Что – нелегко?

– Представить меня среди чайных чашек.

Роберт, не привыкший к тому, чтобы читали его мысли, – тетушка Лин не была способна следовать за ходом мысли собеседника, даже если ей все внятно объяснили, – был и растерян, и сконфужен. Но Марион, забыв о своем собеседнике, продолжала:

– И вот, когда мы только-только стали привыкать к мысли, что у нас есть дом, что мы не беззащитны, надо же было такому случиться!..

Впервые после телефонного звонка, когда Марион попросила о поддержке, Роберт ощутил желание ей помочь...

– И все потому, что какой-то девчонке понадобилось алиби, – сказал он. – Надо бы узнать, что это за особа Бетти Кейн.

– Я могу вам кое-что о ней сообщить. Она сверх меры сексуальна.

– Это что же, женское чутье?

– Нет. Сама-то я не слишком женственна, и чутья на это у меня нет. Но такой цвет глаз, причем не важно – у мужчины или у женщины, явно свидетельствует о чрезмерной сексуальности. Темный, непрозрачный голубой цвет или, если угодно, поблекший синий – можете мне поверить на слово!

Роберт усмехнулся. Что бы она там ни говорила, сама она как раз женственна, даже очень!

– И не вздумайте смотреть на меня свысока лишь потому, что в словах моих нет вашей юридической логики, – добавила она. – Переберите-ка своих знакомых, и вы убедитесь, что я права.

И Роберт тут же вспомнил Джеральда Бланта, героя нашумевшего милфордского скандала. Конечно же, у Джеральда именно такой цвет глаз. И такой же цвет глаз у Артура Валлиса, который... Да ну ее, эту Марион Шарп. Не имеет она права делать глупые обобщения и при этом попадать в точку!

– Интересно бы узнать, что она делала в течение этого месяца, – сказала Марион. – Между прочим, я ужасно рада, что ее как следует избил. Есть по крайней мере кто-то, кто правильно оценил эту девочку. Надеюсь рано или поздно с ним познакомиться и пожать ему руку.

– С «ним»?

– Думаю, это был «он».

– Ну-с, – сказал Роберт, вставая, – я сильно сомневаюсь в том, что Гранту захочется доводить дело до суда. Показания девочки против ваших показаний, и никаких иных доказательств ни с той, ни с другой стороны нет. Против вас будет ее заявление, весьма обстоятельное и подробное. Против нее будет явная неправдоподобность всей этой истории. Вряд ли Гранту удастся добиться судебного разбирательства.

– Но ведь дойдет ли дело до суда или застрянет в папках Скотленд-Ярда, разница невелика. Рано или поздно об этом начнут говорить, пойдут сплетни. Пока все это не прояснится, успокаиваться нельзя.

– Значит, непременно прояснится, если уж я за это взялся. Но полагаю, нам следует денек-другой подождать, посмотреть, что собирается предпринять Скотленд-Ярд. У них куда больше возможностей добраться до истины, чем у нас с вами.

– Такие слова в устах адвоката – ценная похвала честности полиции.

– Поверьте мне, истина как таковая может быть добродетелью, но Скотленд-Ярд давно убедился в том, что истина необходима для дела. Им просто невыгодно, поймите, заменять ее чем-нибудь другим.

– Ну а если дело дойдет до суда, – спросила она, провожая его к двери, – если приговор будет вынесен, чем это нам грозит?

– Не могу сказать точно: то ли два года тюрьмы, то ли семь лет принудительных работ. Я вам уже говорил, что основательно подзабыл Уголовный кодекс. Но я непременно справлюсь.

– Да, прошу вас. Это, знаете ли, довольно существенно.

Ее иронический тон пришелся ему по душе. Особенно если учесть, что впереди ее могло ожидать уголовное обвинение.

– До свидания. Спасибо, что приехали. Вы меня здорово поддержали!

А Роберт, направляясь к воротам, вспомнил, что чуть было не вручил ее судьбу в руки Бена Карлея, и почувствовал, что краснеет.

Глава четвертая

– Много работы было у тебя сегодня, милый? – спросила тетя Лин, расправив салфетку и положив ее на свои пухлые колени.

В этой фразе был известный смысл, и все ж по существу она ничего не значила. Фраза эта была таким же ритуалом перед ужином, как разглаживание салфетки на коленях, как шарканье правой ступни, которой пододвигалась скамеечка – на нее тетя Лин ставила свои короткие ножки. Она и не ждала ответа или, вернее, спрашивала, не думая, о чем спрашивает, и в ответ не вслушивалась.

Роберт поглядел на тетушку и понял, что нынче его расположение к ней как-то глубже, содержательнее, чем обычно. После визита в дом Фрэнчайз присутствие безмятежной тети Лин действовало успокоительно, и Роберт как бы новыми глазами глядел сейчас на эту толстенькую старушку с короткой шеей, круглым розовым личиком и седыми волосами, небрежно заколотыми слишком крупными шпильками. Жизнь Линды Беннет была заполнена кулинарными рецептами, кинозвездами, благотворительными базарами, и, по ее мнению, эта жизнь была прекрасна. Недаром тетушка излучала благополучие и довольство. Она читала «Страницу женщины» (как превратить в бутоньерку старую перчатку) и не читала ничего другого. Случалось, убирая газету, брошенную Робертом, тетя Лин задерживалась взглядом на заголовке: «там-то нашли источник нефти» – и комментировала: «Говорила я тебе, милый, что парафин подорожал на пенни?» Но вряд ли тетя Лин верила в существование того мира, о котором писали газеты. Ее мир начинался с Роберта Блэра и оканчивался в радиусе десяти миль от него.

– Почему ты сегодня так задержался, милый? – спросила она, отодвигая пустую тарелку. Такой вопрос уже требовал ответа, и Роберт сказал:

– Мне пришлось съездить в дом Фрэнчайз, ну, тот, который на Ларборо-роуд. Меня просили дать юридический совет.

– Эти странные люди? А я и не знала, что ты с ними знаком.

– Я не был с ними знаком. Они просто хотели посоветоваться.

– Надеюсь, они тебе заплатят, милый? Хотя у них нет ни гроша. Отец работал в какой-то фирме и допился до смерти. Оставил их, бедных, ни с чем. Старая миссис Шарп держала в Лондоне пансион, а дочка была в нем прислугой. Еще немножко – и они очутились бы на улице, но тут умер старый мистер Кроуль, владелец Фрэнчайза. Подумать только, какая удача!

– Тетя Лин, откуда у тебя эти сведения?

– Но все это правда, милый, совершенная правда. Забыла уже, кто мне рассказывал, помоему, кто-то, кто жил в Лондоне на одной с ними улице, но, во всяком случае, это из первых рук. Я ведь, как тебе известно, не сплетница. Ну, дом хороший? Мне всегда хотелось знать, что там за железными воротами.

– Нет, дом довольно безобразный. Но есть хорошие вещи.

– Вряд ли они содержатся в таком же порядке, как наша мебель, – сказала тетушка Лин, не без гордости взглянув на прекрасный буфет и стулья, стоявшие вдоль стены. – Кстати, пастор вчера сказал: если бы он не знал, что это жилое помещение, он решил бы, что здесь музей.

Упоминание о пасторе навело ее на новую мысль...

– Кстати, будь особо терпеливым с Кристиной, прошу тебя. Кажется, она собирается вновь «спасать душу».

– Бедная, бедная тетя Лин, вот напасть! Сегодня за утренним чаем на блюде оказался какой-то священный текст, начинавшийся словами: «Ты, Господь, меня видишь...» Она что ж, снова меняет секту?

– Да. Уходит от методистов и вступает куда-то еще. Теперь-то она непременно спасется. Пела гимны все утро.

– Она всегда поет гимны!

– Да, но не «Меч Господень». Когда она поет про «жемчужные венцы» или «улицу золота», тогда я спокойна. Но стоит ей запеть «Меч Господень» – все кончено, мне самой придется возиться с пирогами.

– Но, тетушка, ты печешь ничуть не хуже Кристины!

– А вот и нет! – объявила Кристина, внося второе блюдо. Это была крупная, полная женщина с отсутствующим взглядом. – Ваша тетушка печет лучше меня только сдобные булочки, да и то раз в год. А если меня в этом доме не ценят, я могу и уйти.

– Кристина, душенька, – сказал Роберт, – вы же знаете, что без вас этот дом нельзя себе представить! А если вы уйдете, то я пойду за вами на край света. Хотя бы из-за одних только сливочных тортов. Кстати, нельзя ли сделать завтра сливочный торт?

– Нечего кормить сливочными тортами нераскаявшихся грешников. Да, по-моему, у нас и сливок-то нет. Ладно, посмотрим. Советую вам, мистер Роберт, подумать на досуге о своей душе.

Когда дверь за ней закрылась, тетя Лин тихо вздохнула.

– Двадцать лет, – произнесла она задумчиво, – целых двадцать лет. Ты даже вряд ли помнишь, когда она впервые здесь появилась сразу после приюта. Ей было всего пятнадцать, такое худенькое, несчастное существо. Она очень много ела за чаем и уверяла, что будет молиться за меня всю жизнь. И знаешь, я думаю, она действительно молится.

Что-то похожее на слезу блеснуло в голубых глазах мисс Беннет.

– Надеюсь, она повременит со спасением души, пускай сначала сделает сливочный торт, – отозвался Роберт, настроенный на грубо материалистический лад. – Как тебе понравилось кино?

– Ах, милый, я никак не могу забыть. Ведь у него было пять жен!

– У кого?

– То есть не сразу, конечно, а по очереди. Сначала он был студентом. Юным и романтическим. И...

Тетя Лин принялась излагать содержание фильма, но Роберт не слушал. Ему вдруг припомнился дом Фрэнчайз, и вернулся он к реальности, когда было пора перейти в гостиную пить кофе.

– Очень миленькая вещица, если бы только горничные это могли понять!

– О чем ты?

– О переднике. Она, видишь ли, была горничной в замке и щеголяла в этой смешной муслиновой тряпочке, словом, в фартучке, и прехорошеньком! Между прочим, у этих женщин из Фрэнчайза есть горничная? Нет? Так я и думала. Морили голодом ту, которая у них была. Давали ей...

– Тетя Лин!

– Уверяю тебя! Утром – одни крошки, оставшиеся от их завтрака. А когда у них бывал молочный пудинг...

Роберт не дослушал, что там происходило с молочным пудингом. Несмотря на вкусный ужин, он внезапно почувствовал себя усталым и мрачным. Если добрая, глупенькая тетя Лин спокойно повторяет idiotские сплетни, не видя в том никакого вреда, что же произойдет в Милфорде, когда история с девочкой получит огласку?

– И кстати, о горничных... Маленькая горничная Карлея попала в беду!

– Ты, очевидно, хочешь сказать, что кто-то вовлек ее в беду!

– Да, Артур Валлис, официант из «Белого оленя».

– Как? Опять Валлис?

– Не могу взять в толк, почему этот человек не женится? Ему бы это обходилось гораздо дешевле.

Но Роберт снова перестал слушать. Он снова был в гостиной Фрэнчайз, и кто-то посмеивался над его нетерпимостью к разного рода обобщениям. Он снова был в неопрятной комнате с мебелью, не знавшей полировки, где на стульях валялись какие-то вещи, и никто в доме не думал их прибирать. И где, как вспомнилось ему сейчас, никто не бегал за ним по пятам с пепельницей.

Глава пятая

Прошло больше недели, и вот в один прекрасный день в дверь кабинета Роберта просунул свою маленькую седую голову мистер Хэзелтайн и сообщил, что пришел инспектор Хэллам. Затем голова исчезла: очевидно, ее владелец отправился за инспектором. Роберт с удивлением почувствовал, что волнуется – волнуется так, как в дни юности при виде доски с прикрепленным к ней листком, сообщавшим о результатах экзамена. Неужели жизнь его так безнадежно скучна, что чужая беда может до такой степени выбить его из колеи? Или дело в том, что всю последнюю неделю мать и дочь Шарп неотступно были в его мыслях и перестали быть ему чужими?

Из осторожных слов Хэллама Роберт понял, что на основании существующих сегодня показаний Скотленд-Ярд никаких действий предпринимать не собирается. Блэра особенно поразили слова «существующие сегодня показания». Итак, дело не закрывается. Просто они пока что будут сидеть тихо. Эта мысль о притихшем в ожидании Скотленд-Ярде не слишком успокаивала в данных обстоятельствах.

– Я так понимаю, что у них нет подкрепляющих свидетельств?

– Они не могут найти грузовик, который подвез девочку, – сказал Хэллам.

– Вряд ли это обстоятельство их так уж удивляет.

– Именно, – согласился Хэллам. – Ни один шофер не пойдет на риск потерять работу, сознавшись, что он кого-то подвез. В особенности девушку. Хозяева грузовиков весьма строги. А уж если с девочкой произошли неприятности и этим заинтересовалась полиция, то ни один человек в здравом рассудке в жизни не признается, что он ее видел. – Хэллам взял сигарету, предложенную Робертом. – Им позарез необходим шофер грузовика. Или кто-нибудь в этом роде.

– Да-а, – задумчиво протянул Роберт. – А что вы думаете о девочке, Хэллам?

– Девочка? Право, не знаю, что сказать... Славная девчушка. По-моему, искренняя. Могла бы быть моей дочкой.

«Вот оно, – подумал Блэр, – вот в чем главная опасность, если дело дойдет до суда. Каждому присутствующему непременно будет казаться, что девочка, дающая показания, могла бы быть его собственной дочкой. Не потому, что она беспризорная, а именно потому, что она небеспризорная. Форменная школьная курточка, юное, не тронутое косметикой личико, милые ямочки на щеках, широко расставленные честные глаза – для представителей обвинения лучшей пострадавшей и не придумаешь!»

– А в общем, такая, как и всякая другая девочка ее возраста, – добавил Хэллам. – Ничего худого о ней не скажешь.

– Значит, вы не судите людей по цвету их глаз? – заметил Роберт без всякой, впрочем, надежды на отклик.

– Ого, еще как! – неожиданно заявил Хэллам. – Уверяю вас, существует особый оттенок детски-голубого цвета, и он-то вам скажет о человеке, прежде чем тот рот успеет открыть. Обладатели таких глаз лжецы все как на подбор! – Он сделал паузу и затянулся сигаретой. – Они и к убийству предрасположены, хотя я встречал не так уж много убийц.

– Не пугайте меня, – засмеялся Роберт, – теперь я буду настороже в отношении детски-голубых глаз.

Хэллам ухмыльнулся:

– Если ваш бумажник надежно запрятан, можете не беспокоиться. Все такие голубоглазые лгут ради денег. А убивают только в том случае, если уж очень запутаются в собственном вранье. Настоящего убийцу можно узнать не по цвету глаз, а по тому, как они поставлены.

– Поставлены?

– Да. Обычно они поставлены неправильно. Глаза, я имею в виду. Похоже, будто они взяты с разных лиц.

– Но если не ошибаюсь, вы сами сказали, что видели не так уж много убийц.

– Верно. Но я прочитал множество дел об убийствах и видел фотографии. Меня всегда удивляло, что ни в одной такой книге об убийствах об этом не говорится. Я хочу сказать – о глазах, неправильно поставленных.

– Значит, это ваша собственная теория?

– Вернее, результат собственных наблюдений. Но следовало бы этим вопросом заняться. Очень любопытно. Я, знаете, дошел до того, что теперь ищу их.

– На улице, среди прохожих?

– Нет, не до такой уж степени! Но при каждом новом деле об убийстве я жду сначала фотографий. А когда их получаю, думаю: «Вот оно! Ну, что я вам говорил?»

– А если на фотографии убийцы глаза его поставлены совершенно правильно?

– Тут это почти наверняка то, что называется случайным убийством, то есть убийство совершено при таких обстоятельствах, когда каждый мог бы стать убийцей.

– Ну а если вам, скажем, попадется фотография Дамблтона, его преподобия пастора из местечка Назер, сфотографированного благодарными прихожанами, отмечающими пятилетие его преданного служения, и вы увидите, что глаза пастора поставлены неправильно? Ну-с, к какому заключению вы тогда придете?

– А вот к какому! Что он доволен женой, что дети его послушны, что денег ему хватает на жизнь, что политикой он не занимается, ладит с местной аристократией и никто в его дела не вмешивается. Другими словами, у него не было нужды кого-нибудь убивать.

– По-моему, вы умеете ловко выкручиваться.

– Ну вот еще, – мрачно заметил Хэллам, – я вижу, что зря делился с вами своими наблюдениями. А я было подумал, что адвокату они могут пригодиться.

– Если хотите знать, вы попросту развратили мой невинный ум, – улыбнулся Роберт. – Отныне при каждом разговоре с новым клиентом я буду подсознательно отмечать цвет его глаз и симметричность их расположения... Спасибо, что вы зашли и сообщили мне новости о деле Бетти Кейн.

– Сообщать что-либо по телефону в нашем городке, – сказал Хэллам, – это все равно что по радио объявлять.

Когда он ушел, Роберт поднял телефонную трубку. Он не мог, как совершенно справедливо заметил Хэллам, говорить по телефону с обитательницами Фрэнчайза из боязни быть подслушанным. Он просто скажет им, что ему надо их повидать. Но на звонок никто не ответил. В течение пяти минут Роберт снова и снова безрезультатно набирал номер.

Пока он возился с телефоном, в комнату вошел Невил Беннет – как обычно, в костюме из твида, в розовой рубашке и пурпурном галстуке. Прижав к уху трубку и глядя на Невилу, Роберт в сотый раз подумал о том, что произойдет с фирмой «Блэр, Хэйвард и Беннет», когда она перейдет в руки юного отпрыска семейства Беннет. Вряд ли можно назвать Невилу безмозглым, однако с такими мозгами, как у него, карьеры в Милфорде не сделаешь. Милфорд требовал, чтобы человек, достигший совершеннолетия, остепенился. Но Невил не проявлял ни малейшего желания остепениться. С неослабевающей энергией, возможно бессознательно, он продолжал эпатировать милфордцев. Взять хотя бы его костюм! Нет, Роберт совершенно не требовал, чтобы молодой человек ходил в черном костюме. Сам Роберт, например, носил костюм из серого твида, но ведь твид твиду рознь! Твид Невилы был явно второсортен, просто из рук вон!

– Роберт... – начал Невил, когда Роберт положил трубку. – Я покончил с бумагами, касающимися дела Кэлторн, и думаю смотаться в Ларборо, если, конечно, я тебе тут не понадоблюсь.

– А ты не можешь поговорить с ней по телефону? – спросил Роберт, поскольку Невил был женихом третьей дочери епископа из Ларборо.

– Да нет, я не к Розмари собираюсь. Она уехала на неделю в Лондон.

– Надо полагать, митинг протеста в Альберт-холле? – сказал Роберт, у него испортилось настроение оттого, что ему не удалось сообщить обитательницам Фрэнчайза добрые вести.

– Нет, в Гайд-холле. А протест по поводу того, что наша страна отказалась дать убежище патриоту по фамилии Котович.

– Этим «патриотом», насколько мне известно, весьма интересуются в его собственной стране.

– Его враги – да.

– Нет, полиция. Из-за двух убийств.

– Не убийств, а казни.

– Ты что, последователь Джона Нокса, что ли?

– Бог мой, конечно нет, он тут при чем?

– А при том, что он верил в самосуды, в терроризм. Эта идея, я вижу, нашла своих последователей и у нас. Во всяком случае, если выбирать между мнением Розмари по поводу Котовича и мнением уголовного отдела полиции, то я с полицией.

– Полиция делает то, что ей прикажет Министерство иностранных дел, это всем известно. Но если я буду тебя просвещать, то опоздаю в кино.

– Какое еще кино?

– Французский фильм, его показывают в Ларборо.

– Ну ладно. А ты сможешь задержаться по дороге у дома Фрэнчайз и бросить записку в их почтовый ящик?

– Могу. Мне давно хотелось посмотреть, что там за забором. Кто там теперь живет?

– Старая дама и ее дочь.

– Дочь? – заинтересовался Невил.

– Дочь средних лет.

– А-а... Ладно. Я только пальто возьму.

Роберт набросал несколько строк: пытался, мол, позвониться, не дозвонился, сейчас уходит по делу на час-другой, но позвонит снова, когда освободится, и что пока Скотленд-Ярд судебного дела возбуждать не собирается.

Появился Невил со своим жутким пальто реглан, переброшенным через руку, схватил записку и умчался со словами: «Передай тете Лин, что я могу опоздать. Она звала меня к ужину!»

Роберт отправился в кафе отеля «Роза и корона», где у него было назначено свидание с клиентом – старым фермером, страдающим от хронической подагры. Старика на месте не оказалось, и Роберт, человек хладнокровный и лениво-добродушный, вдруг почувствовал раздражение. Что-то в его жизни, вернее, сама схема его жизни переменилась. До сих пор жизнь текла ровно, одно цеплялось за другое, и он переходил от одного к другому, не торопясь и не волнуясь. А теперь в его жизни появился интерес, и все остальное сосредоточилось в нем, как в фокусе.

Он уселся в холле на обитый ситцем стул и посмотрел на газеты, лежавшие на низком столике. Самой свежей из них была газета «Уочман», и Роберт неохотно взял ее. Обычное сборище протестов, поэм, поучений, а среди протестов отведено почетное место будущему тестю Невила, епископу Ларборо, который возмущался тем, что Англия отказалась дать приют бежавшему «патриоту». Епископ Ларборо полагал своим христианским долгом защищать всех тех, кого он считал угнетенными.

Роберт попробовал прочесть какие-то стихи, ничего в них не понял и бросил газету на столик.

– Выпьем чего-нибудь? – раздался голос Бена Карлея, остановившегося у стула Роберта.
– Привет, Карлей. Нет, спасибо. Я жду мистера Уиньярда. Он, очевидно, старается не делать лишних движений.

– Бедный старик. Это ужасно – страдать от последствий портвейна, которого сам в рот не брал. Грехи отцов! На днях я видел ваш автомобиль у ворот Фрэнчайза.

– Верно, – сказал Роберт, слегка удивившись. Как-то не похожа на Карлея такая прямолинейность. Но раз он видел автомобиль Роберта, то, значит, видел и полицейские машины...

– Если вы с ними знакомы, то можете кое-что мне рассказать. Меня всегда интересовало, справедливо ли все, что о них говорят.

– А что говорят?

– Они в самом деле колдуньи?

– А разве их считают колдуньями? – шутливо спросил Роберт.

– Во всяком случае, такой слух ходит в наших местах, – ответил Карлей, и его блестящие черные глаза впились в лицо Роберта. Но он тут же отвернулся, и глаза его забегали по сторонам с обычным для него выражением нескрываемого любопытства. И тут Роберт понял, что Карлей снабдил его информацией, которая может ему пригодиться.

– А я-то думал, – сказал Роберт, – что с тех пор, как в наших местах появилось такое развлечение, как кино, охоте за ведьмами пришел конец.

– Да бросьте вы! Дайте идиотам любой предлог, и они начнут гоняться за ведьмами! А, вон и ваш старикан. Ну, всего хорошего!

По самой своей натуре Роберт искренне интересовался людьми и их неприятностями, что составляло главную и наиболее привлекательную черту его характера. Он выслушал старого мистера Уиньярда с таким вниманием и доброжелательством, что тот мысленно прибавил сто фунтов к имени Роберта, уже упомянутого им в завещании.

Сразу же после свидания Роберт отправился к отдельному телефону. Но желающих звонить было много, и он решил позвонить из гаража на Син-лейн. Контора была уже закрыта, да и далеко отсюда. Кроме того, в гараже – автомобиль, и если его, Роберта, попросят приехать, то это будет нетрудно.

– Добрый вечер, мистер Блэр, – сказал Билл Броу, с трудом протискивая свою массивную фигуру в узкую дверь гаражной конторы. На его круглом, спокойном лице сияла улыбка. – Вам нужен ваш автомобиль?

– Нет, мне прежде всего нужен ваш телефон, если, конечно, можно.

– Еще бы, разумеется.

Роберт зашел в маленькую, жарко натопленную контору и поднял трубку.

Ответила Марион, и голос ее прозвучал тепло и радостно:

– Вы даже представить себе не можете, как легко мы вздохнули, получив вашу записку. А у вас, между прочим, очаровательный племянник!

– Племянник?

– Ну, тот молодой человек, которого вы к нам прислали...

– Он мне не племянник, – холодно отозвался Роберт. Почему это, когда тебя называют чьим-то дядей, сразу стареешь? – Это мой двоюродный брат.

Роберт надеялся, что его пригласят заехать, но его не приглашали. Надо было действовать энергичнее.

– Я бы хотел вас видеть, чтобы кое-что обсудить.

– Да, конечно. А что, если мы заедем в вашу контору как-нибудь утром, когда будем в Милфорде за покупками? Как вы считаете: что нам теперь делать?

– Понадобится частное расследование. Впрочем, это не телефонный разговор.

– Да-да. Так мы заглянем к вам в пятницу утром, хорошо? Или пятница вас не устраивает?

– Нет, вполне устраивает, – вяло отозвался Роберт, подавляя разочарование. – Около полудня?

– Прекрасно. Итак, в двенадцать часов послезавтра в вашей конторе. До свидания и еще раз спасибо за поддержку!

И Роберт отправился на свою ежевечернюю прогулку по Хай-стрит, изо всех сил стараясь забыть, что его, так сказать, отвергли. Ведь поначалу он ничуть не стремился ехать в дом Фрэнчайз и даже не скрывал своего нежелания. Естественно, Марион хотела избежать повторения этой малоприятной сцены. Правда, он взял на себя защиту их интересов. Но это – дело, а дело должно обсуждаться по-деловому в конторе.

«Ну что ж, – думал Роберт, усаживаясь на свой любимый стул у камина и разворачивая вечернюю газету (напечатанную утром в Лондоне), – ну что ж! Когда они явятся в пятницу, то надо будет перевести деловые отношения в более личные и постараться стереть память о тогдашнем отказе».

Тишина в доме успокаивала. Кристина заперлась в своей комнате и выйдет оттуда только после двух дней молитвы и религиозных возвышенных размышлений, а тетя Лин возилась на кухне с ужином. Пришло письмо от Леттис, единственной сестры Роберта. Во время войны она была на фронте, водила грузовик, влюбилась в высокого молчаливого канадца и сейчас воспитывала своих пятерых детишек в Саскачеване. «Приезжай, Робин, милый, – писала она, – пока мои ребята не выросли и пока ты сам не оброс мохом. Общество тети Лин тебе просто вредно!» Роберт даже услышал голос Леттис, произносящий эти слова. Она и тетя Лин никогда ни в чем не были согласны и смотрели на вещи по-разному.

Он улыбался, чувствуя себя отдохнувшим и спокойным, но этот блаженный покой был нарушен вторжением Невила.

– Почему ты мне не сказал, какая она? – с порога спросил Невил.

– Кто?

– Ну, эта самая Шарп. Почему не сказал?

– Я и не думал, что ты ее увидишь. Все, что от тебя требовалось, – бросить письмо в дверную щель.

– Никакой щели в двери нет. Я позвонил, а они как раз вернулись откуда-то. Она сама мне открыла.

– Я думал, после обеда она спит.

– По-моему, она никогда не спит. Она вообще не из людской породы – вся огонь и сталь.

– Ты прав, старая дама весьма резка на язык, но будь снисходителен. У нее была очень тяжелая...

– Какая еще старая? Ты это о ком?

– О старой миссис Шарп, разумеется.

– Да я и не видел старой миссис Шарп. Я говорю о Марион.

– О Марион Шарп? А откуда ты знаешь, что ее зовут Марион?

– Она мне сама сказала. А это имя ей идет, правда? Даже представить нельзя, чтобы ее звали как-нибудь иначе!

– Когда это ты успел так коротко с ней познакомиться, если видел ее только в передней?

– Она угощала меня чаем.

– Чаем? Я-то думал, что ты торопишься на французский фильм.

– Я никогда никуда не тороплюсь, если такая женщина, как Марион, приглашает меня к чаю. А ее глаза ты заметил? Ну конечно заметил. Ведь ты ее адвокат. Великолепнейший оттенок серого, переходящий в светло-коричневый. А какая изумительная линия бровей, будто след кисти гениального художника! Крылатые брови. По дороге домой я сочинил о них стихи. Хочешь послушать?

– Нет, – твердо ответил Роберт. – А как тебе понравился фильм?

– Я его не видел.

– Не видел?

– Я же тебе говорил, что мы пили чай с Марион.

– Короче, ты хочешь сказать, что провел в доме Фрэнчайз несколько часов?

– Очевидно, – мечтательно отозвался Невил. – Но боже мой, мне показалось, что я провел там всего семь минут.

– А как же твоя страсть к французским фильмам?

– Но Марион сама настоящий французский фильм. Даже ты должен это видеть! – (Роберт поморщился, услышав «даже ты».) – К чему мне отражение, когда передо мной сама действительность? Непосредственность. Вот в чем ее главная прелесть. Я никогда не встречал никого, кто был бы так непосредствен, как Марион.

– Даже Розмари? – Роберт был в том состоянии, которое тетя Лин деликатно называла «вышел из себя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.